

Е. М. Ерина

**НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В НЕМРЕСПУБЛИКЕ.
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
И ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ**

Вопрос о немцах Поволжья привлекает внимание своей неизученностью, возможностью исследования и открытий.

В статье ставится задача рассмотреть организацию народного образования в Республике немцев Поволжья и, в частности, вопрос об открытии и работе Немецкого государственного педагогического института на основе документов, хранящихся в филиале ГАСО в Энгельсе.

При этом экскурс в историю екатерининских времен будет кратким и не претендующим на глубокое изучение предмета. Еще после указов Екатерины II о привлечении иностранцев в Россию колонисты, прибывшие в Поволжье, обосновывались обособленно, сохраняя при этом свои нравы, обычаи, диалект. Среди переселившихся колонистов были преподаватели, церковнослужители и просто высокообразованные по тем временам люди. Они и явились первыми учителями детей колонистов. Школу посещали дети в возрасте от 8 до 16 лет, для мальчиков обучение в школах было обязательным. Центром общинной жизни переселенцев являлись церкви. Они служили делу единения народности, сохранению языка и обычаев. Таким образом, школы были конфессиональными, обучение религиозным, но при этом в церковно-приходских школах детей учили также чтению, письму, арифметике. Учитывая фактор сохранения языка, обычаев и своей религии как положительный, нельзя не отметить, что гессенский, швабский, нижненемецкий диалекты, на котором и велось в основном преподавание в школах, не могли служить средством связи. Это одна из причин того, что средством коммуникации колонистов стал постепенно русский язык. Но и русского языка большинство колонистов не знало. Попытка русификации церковноприходских школ была сделана значительно позже... Да и квалификация учителей с каждым поколением все понижалась. Фактически с конца XVIII в. уровень подготовки учителей был невысоким. Особые трудности испытывали школы при римско-католических костелах, где особенно низким был уровень образования преподавателей. Лучше обстояло дело с обучением при евангелическо-лютеранских церквях, но и при них далеко не все учителя владели литературным немецким языком. Правда, это положение во многом изменилось с открытием Дерптского (Юрьев) богословского факультета и Саратовской духовной семинарии, которые стали выпускать высококвалифицированные кадры духовенства с прекрасным знанием языка.

В то же время колонисты испытывали большие трудности и в изучении русского языка, что не давало возможности детям немецкой национальности поступать в средние и высшие учебные заведения России. Лишь несколько Немецких средних школ было в С.-Петербурге и Москве, а на Волге первое

Русское центральное училище открылось только в 1833 г. в Катариненштадте (ныне — Маркс), построенном в 1766 г. как Немецкое поселение, ставшем на небольшой период (с середины 1919 по июль 1922 г.) столицей немецкой автономии. Вторая школа повышенного типа была открыта на горной стороне Волги в селе Гримм (Лесной Карамыш). Школы готовили кадры интеллигенции для немецких колоний — писарей, частично учителей и дали возможность детям переселенцев продолжать образование. В конце XIX в. появились земские школы, но в них усиленно проводилась русификация. К этому же времени относится и организация в колониях двух гимназий и двух прогимназий и учительской семинарии, нескольких частных школ повышенного типа с 6-летним курсом обучения. Но язык преподавания в них был также русский.

Антинемецкие настроения, появившиеся еще в конце XIX в. и усилившиеся перед первой мировой войной, война, революция, гражданская война, разрушение церквей, уничтожение священнослужителей, что фактически означало и разрушение церковно-приходских школ, голод 1921 г. и общая разруха в стране не способствовали разрешению проблем немецкого языка и изучению его как родного.

И все же наметились положительные тенденции в создании и развитии первой немецкой автономии, объединении мест компактного проживания немцев. Создание сети национальных школ потребовало соответствующих учительских кадров.

В Москве в 1921 г. была сделана попытка помочь немцам, проживающим в новом объединении и других местах компактного размещения по стране, в создании первого немецкого педагогического института. Оторванный от своей национальной базы, основанный в год голода в Поволжье, когда была страшнейшая разруха, он не имел условий для развития и был переведен к октябрю 1925 г. в г. Ленинград. Перевод вуза во вторую столицу ничего не изменил в его судьбе.

Проблема с учительскими кадрами в автономии была острейшей. Если в 1917 г. было 165 школ 1-й ступени, то к 1927/28 учебному году их число достигло 370, школ семилеток в 1917 г. не было, их стало 7, были образованы школы 2-й ступени и школы крестьянской молодежи.

Педагогические кадры необходимы были также для школ в местах компактного проживания немцев по СССР — на Украине, в Закавказье, в Белоруссии.

По переписи населения 1926 г. на территории страны было 1 238,5 тыс. немцев, из них 762,5 тыс. на территории России, в Немреспублике — 379,6, на Украине — 393,9, свыше 82 тыс. в Белоруссии. (По данным 1927 г., в СССР было 1,320 тыс. немцев, в РСФСР — 850 тыс., в Немреспублике — около 400 тыс., на Украине — 385 тыс., остальные в Закавказье и других регионах. В основном — крестьянское население).

Дети школьного возраста составляли чуть выше 9% от общего числа немецкого населения (в целом по стране 113 тыс., по РСФСР — 69,2 тыс. человек).

В республике росла сеть школ повышенного типа. В 1927/28 учебном году работало всего 20 школ на 1997 учащихся: 4 школы-девятилетки с 603 учащимися, одна школа 2-й ступени (291 учащийся), 8 (по другим данным — 10) школ крестьянской молодежи — 481 учащийся, 7 школ-семилеток — 422 учащихся. И при этом сеть немецких школ повышенного типа на 1927/28 учебный год была далека от нормы, установленной по декрету ВЦИК и СНК от 31 августа 1925 г., и значительно отставала от средней нормы по РСФСР ввиду огромного недостатка учителей немецкой национальности (норма по декрету ВЦИК во II и III концернах — 12,5%, по РСФСР на 1 декабря 1926 г. — 11,6%, по Немреспублике на 1 декабря 1926 г. — 5,5%).

В дальнейшем в связи с введением всеобщего обязательного обучения увеличение количества школ должно было пойти более интенсивно, начальные школы должны были перейти в разряд семилетних (школы крестьянской молодежи), последние — в сеть повышенного типа. Поэтому у органов народного образования и правительства Немреспублики особую озабоченность вызывала подготовка педагогических кадров. В докладе «Современное состояние народного образования в АССР немцев Поволжья» Ида Фрей писала: «...Новая национальная школа потребовала нового учителя, знающего и преподающего на родном языке... Приходилось переподготовку учительства вести по двум линиям одновременно: по линии трудовой советской школы и изучения родного языка. В 1924/25 учебном году НКП создал институт инспектуры и с этого времени началось живое методическое руководство школами...» У истоков института инспектуры стоял известный языковед А. П. Дульзон, методический совет возглавлял А. Ф. Лонзингер (впоследствии — преподаватель вузов республики). Далее Ида Фрей в своем докладе обратила внимание на открытие двух педагогических техникумов, техникумов по другим специальностям и профшкол.

В 1930 году в Немреспублике действовали Маркшадтский, Зельманский и Краснокутский педтехникумы, Краснокутский сельскохозяйственный, Маркшадтский механический, Бальцерские текстильный и медицинский, Покровские кооперативный и строительный и Золотовский садово-огороднический техникумы.

Маркшадтский педтехникум к 1924/25 учебному году уже имел на подготовительном и 3 основных курсах 96 учащихся. Была развернута работа педагогического, биологического, физико-математического кабинетов, опытной школы при I группе с 50 воспитанниками и одногодичные педагогические курсы... В 1927 г. был открыт в Зельмане (Ровном) второй педагогический техникум, в 1929 — Краснокутский. Кроме подготовки учителей, Маркшадтский и Краснокутский техникумы готовили воспитателей детских садов и библиотекарей. По статистике, на 1 октября 1933 г. в трех дневных и одном вечернем педагогических техникумах уже обучалось 1011 учащихся.

По заданию правительства Наркомпрос провел анализ общеобразовательного ценза педагогического персонала на 1927/28 учебный год, и он, как и ожидалось, подтвердил довольно низкий уровень образования учителей. Так, в школах повышенного типа из 95 учителей только 3 имели высшее образование, 22 — среднее педагогическое. В техникумах из 41 педагога 18 — с высшим и 3 — со средним педагогическим образованием. Еще хуже обстояло дело в профшколах: из 18 человек — по одному педагогу с высшим и средним педагогическим образованием. Вывод был неутешительным: с высшим образованием — 3% педагогов, со средним — 45%, из которых со средним педагогическим — лишь около 50%, с образованием ниже среднего — около 20%. Все это, несомненно, не могло не отразиться на качественной стороне работы школ и техникумов. Ведь проблема кадров с высшим образованием для техникумов стояла еще острее, чем для школ, и практически не решалась.

Разрабатывая вопрос о создании высшей школы в АССР НП, ЦИК, Совнарком и Наркомпрос учитывали и общее положение в школьном образовании немецкого населения по стране в целом на 1925/26 учебный год. Из общего числа учащихся семилеток по СССР (11 264 учащихся) на родном языке обучалось только 54%, по школам 2-й ступени из 1135 человек на родном языке обучалось лишь 31%. Таким образом, перевод немецкой школы повышенного типа на родной язык был неудовлетворительным. Для строительства национальной школы повышенного типа необходимо было обеспечение ее педагогическими кадрами соответствующей квалификации.

Глубокий анализ состояния народного образования, проведенный в Немреспублике, позволил обратиться в 1928 г. в правительственные органы страны с предложением о создании немецкого педагогического института. Совнарком АССР НП заслушал доклад Наркомпроса о слабом развитии сети немецких школ повышенного типа Соцвоса из-за отсутствия немецких национальных педагогов с высшим образованием и решил возбудить ходатайство об открытии Нем пединститута в республике немцев Поволжья.

Обращения правительства республики получили понимание и положительный отклик в Наркомпросе РСФСР и во ВЦИКе. II сессия ВЦИК 23 апреля 1928 г. заслушала вопрос о строительстве высшей школы в Немреспублике и постановила рассмотреть вопрос о «возможности и целесообразности учреждения в немецкой республике высшего педагогического института». Но накануне принятия Совнаркомом РСФСР решения об открытии института Наркомат РКИ РСФСР в документе от 1 сентября 1928 года (за подписью врио культурно-просветительной инспекции Подвойского) дал отрицательное заключение, обосновывая его тем, что потребность в преподавателях немецкого языка и обществоведения в 670 человек (из анализа Наркомпроса Республики) может быть покрыта выпускниками отделения немецкого языка и литературы педагогического факультета Саратовского университета, полагая, что норму приема в 20 человек можно увеличить вдвое без всяких затруднений для вуза; без

увеличения расходов и с минимальными затратами против тех, которые потребуются на открытие нового вуза.

Преподавание предметов физико-математического цикла и естествознания в школах, по мнению НК РКИ, следует вести на русском языке, поскольку при полном переводе школ повышенного типа на немецкий язык учащиеся, оканчивающие чисто немецкие школы, не могли бы поступать в другие вузы страны и были бы в каком-то смысле оторваны от населения региона. Далее подчеркивалось, что если четырехсоттысячное население Нем республики могло бы еще как-то замкнуться внутри себя, что в высшей степени сомнительно, то немцам, проживающим, например, на Северном Кавказе, разбросанным по Таганрогскому, Шахтинскому, Сальскому, Терскому и др. округам, невозможно изолироваться и перейти полностью на немецкий язык.

В заключении документ резюмировал: «...Нынешняя организация образования позволяет готовить преподавателей естествознания, физики и математики, умеющих преподавать на немецком языке. Для этого стоит лишь для студентов немцев Саратовского педфака ввести преподавание методики на немецком языке, причем при существовании там специального отделения немецкого языка это может быть осуществлено без затруднений...» Заключение НК РКИ в чем-то перекликалось с документом Госплана РСФСР от 17 августа 1928 года. В нем отмечалось, что вопрос об открытии института в Покровске должен решаться после утверждения перспективного плана развития РСФСР и при обсуждении вопроса об открытии других вузов — института народного хозяйства в Новосибирске, ветеринарного института на Урале. Предлагалось также укрепить и расширить немецкое отделение в составе педфака СГУ.

Особое внимание обращалось на отсутствие в Покровске надлежащего помещения, оборудования, профессуры. Указывалось на невозможность за пятилетку подготовить планируемое Наркомпросом Немреспублики количество педагогов (около 500 человек), что ставит, по мнению специалистов Госплана, под сомнение целесообразность организации нового вуза. Как видим, уязвимых мест в данных документах было немало. Представитель АССР НП при Президиуме ВЦИК Райский сообщил правительству Немреспублики об отношении к проблеме создания Нем пединститута НК РКИ и Госплана и просил дать исчерпывающие ответы оппонентам. В телеграмме, направленной в адрес Наркомпроса 21 августа 1928 г., он требовал в 10-дневный срок представить материалы об обеспечении института помещением, оборудованием, профессурой, контингентом слушателей, определением специальностей и решением судьбы отделения Саратовского университета. Правительство Немреспублики доказало, что пропускная способность педфака СГУ полностью задействована для нужд русского населения и не может быть расширена без нового строительства, что для работы двуязычного вуза необходимо будет открывать новые кафедры для профессоров, кабинеты, лаборатории и т. д. Поэтому строить новый вуз будет рентабельнее. Кроме того, самостоятельный немецкий вуз может стать культурно-педагогическим центром для немцев всей

страны. 18 сентября 1928 года Малый Совнарком отверг точку зрения НК РКИ и Госплана РСФСР и принял постановление об открытии Немецкого педагогического института, утвержденное 5 октября того же года Совнаркомом РСФСР (протокол №2). В нем говорилось:

1. Признать необходимым организацию в Немреспублике (гор. Покровске) Немецкого педагогического института по подготовке преподавательского персонала как для АССР НП, так и для немецкого населения всего Союза в целом.

2. Открыть институт в октябре 1929 года.

3. Предложить Наркомпросу совместно с Правительством АССР НП, НК РКИ и НКФ РСФСР и Госпланом проработать к 1 января 1929 года все мероприятия, связанные с организацией нового вуза.

4. Предложить Наркомпросу и Госплану РСФСР учесть организацию нового вуза в перспективном плане развития народного хозяйства РСФСР.

В развитие данного постановления Главпрофобра НКП РСФСР разработал положение об организационном комитете Немецкого педагогического института. Возглавил оргкомитет председатель Совнаркома В. А. Курц, его заместителем стал Н. Н. Беллендир, зам. наркома просвещения, организатор и директор первого педучилища Немреспублики. Обязательным в то время было членство представителя от обкома партии Немреспублики, им стал Г. Шульц. В оргкомитет вошел представитель от Наркомата просвещения УССР, научный секретарь, профессор А. К. Сынопалов, консультантом и экспертом — профессор СГУ, директор Центрального музея республики Г. Г. Дингес.

5 августа 1929 г. Совнарком АССР НП заслушал вопрос о включении Немецкого педагогического института в сеть учреждений, состоящих на бюджете СССР, и возбудил ходатайство перед ВЦИК, ЦИК СССР и Советом национальностей о признании его учреждением союзного значения и принятии на бюджет СССР.

Началась конкретная работа по созданию вуза. Совнарком АССР НП перевел совпартшколу из Покровска в Бальцер (Красноармейск). Двухэтажное здание профтехшколы на углу улиц Линеинной и Нестерова (бывшее Ухинское училище) было передано пединституту. Оно имело 6 больших комнат под аудитории и кабинеты, 4 маленьких — под хозслужбы. Пединституту также были переданы здания совпартшколы на Линеинной улице (ранее в этом здании располагался ЦСНХ). Одновременно в смету расходов были заложены средства на строительство корпуса пединститута, общежития и дома для профессорско-преподавательского состава.

Консультант оргкомитета профессор Г. Дингес, учитывая трудности в привлечении людей науки в провинциальный Покровск, заложил в смету максимально возможные по тому времени ставки для преподавателей. Приглашение специалистов было особой заботой Г. Дингеса и всего оргкомитета. Решено было пригласить профессуру из Саратовского университета в случае закрытия отделения, специалистов из обеих столиц, из-за границы.

Наркомпрос наметил пригласить на работу, кроме уже названных, профессоров Г. Г. Дингеса (курс германской филологии) и А. К. Сынопалова (курс педологии), Франца Петровича Шиллера, научного сотрудника и научного ассистента Института языка и литературы в Москве — на курс лекций по всеобщей литературе, профессора СГУ Августа Адольфовича Крогиуса на курс педагогики и педологии, Павла Давидовича Рау, зав. археологическим отделом Центрального музея АССР НП, авторов работ по истории немцев Поволжья Давида Давидовича Шмидта из Покровска и Петра Ивановича Зиннера из Ленинграда, Августа Федоровича Лонзингера, ученого-лингвиста, зав. методической секцией Наркомпроса, лектора СГУ, представленного к доцентуре, читающего курсы методики преподавания немецкого языка и литературы и систем народного образования СССР и Германии, заведующего отделом природы Центрального музея АССР НП аспиранта СГУ по кафедре ботаники Э. Э. Гуммеля, лектора английского языка СГУ З. П. Потулову, позднее сыгравшую трагическую роль в судьбе своего учителя Г. Г. Дингеса, Эмиля Адольфовича Мейера, бывшего зав. ботаническим садом Петровской сельскохозяйственной академии, А. Я. Вейнига, профессора Саратовского сельскохозяйственного института, на курс зоологии, Рихарда Давидовича Боргера, председателя Госплана АССР НП, на курс экономики, Александра Ивановича Кейльмана, секретаря Саратовского химического общества, автора статей по химии и технологии, Кунте, автора книг по политэкономии. Исторический материализм должен был читать бывший секретарь обкома ВКП(б), студент Института красной профессуры в Москве Гейнрих Гейнрихович Кениг. Предлагалось также пригласить из Германии профессоров математики, химии, физики, астрономии и геодезии, геологии и минералогии, а также общего языкознания.

Слух об открытии института прошел по всей стране, начали поступать заявления от специалистов, профессоров различных вузов. Профессор физики Донецкого горного института П. А. Смирнов обратился в Наркомпрос республики 29 сентября 1928 г. с просьбой принять его на работу, когда вопрос об открытии института еще дебатировался в верхах...

Г. Г. Дингесом был составлен краткий план развертывания института и смета, в которой были предусмотрены средства на оборудование кабинетов германской филологии и педагогики, общего языковедения, обществоведения и двух лабораторий — физической и химической.

В первый год планировалось открыть отделения немецкого языка и литературы и общественно-экономическое. Для их работы, считали члены оргкомитета, было достаточно имеющейся в Покровской библиотеке литературы. Не представляло особого труда обеспечить работу факультетов профессорско-преподавательским составом из Саратова (7—8 человек).

В июле 1931 г. в соответствии с тем же планом развертывания работы института было принято решение об открытии с нового 1931/32 учебного года еще двух факультетов — физико-технического (позднее физико-математического) и

естественного (химико-биологического). После этого Немпединститут одно время стал называться Немагропединститутом. Со временем физическая лаборатория должна была перерасти в физический институт, химическая лаборатория — стать лабораториями органической и неорганической химии. В смету также были заложены средства на создание кабинетов ботаники, зоологии, геологии, математики, астрономии, археологии, русской литературы.

Особое место было отведено созданию фундаментальной научной библиотеки. А. К. Сынопалов совместно с Г. Г. Дингесом сделали все необходимое для сбора полных комплектов научных журналов, основных трудов, энциклопедий по всем специальностям — русскому языку и литературе, немецкому языку, обществоведению, педагогике, биологии, химии, физике, астрономии и математике. Работа эта началась еще 21 ноября 1928 года. Представитель АССР НП при Президиуме ВЦИК А. Шнайдер и проф. А. К. Сынопалов обратились через Наркомпрос РСФСР с просьбой передать неиспользованный книжный фонд, преимущественно на немецком языке, библиотеки Государственного политехнического музея и Общества любителей естествознания для комплектования библиотеки института и его кабинетов. Немало учебной литературы было получено из-за рубежа, в основном из Германии. Много ценных изданий по германской филологии и немецкой литературе было получено через профессора Циземера из Кенигсбергского университета.

Институт был открыт 1 октября 1929 года. Это событие совпало с 11-летием провозглашения первой немецкой автономии (в октябре 1918 г.). В Передовой статье «Кузница национальных кадров» газета Немреспублики «Трудовая правда» писала 6 января 1930 г.: «День 11-летия автономии немцев Поволжья ознаменован открытием в центре Немреспублики нового немецкого высшего учебного заведения — немецкого педагогического института. Педагогический институт будет готовить национальные кадры для всего немецкого населения Советского Союза...»

22 ноября 1929 г. ректором Немпединститута был назначен Иоганнес Фридрихович Шваб, проректором - Георгий Генрихович Дингес, в правление вошли ректор, проректор и от студенчества — Зауэрвейн. Поскольку нарком просвещения Шваб¹ не мог в полной мере осуществлять руководство вузом, фактически эта миссия была возложена на Г. Дингеса.

Торжественное открытие института было приурочено к 6-й годовщине провозглашения Немреспублики. Собрание общественности проходило в помещении театра, где были руководители ЦИКа, Совнаркома, Покровского горсовета, совета пединститута, преподаватели, представители от партийных, профсоюзных, комсомольских организаций. Открыл собрание председатель Совнаркома АССР НП Глейм. В почетный президиум, как было принято, избраны Сталин, Калинин, Бубнов, Генеральный секретарь компартии Германии Тельман.

¹ Это не соответствует действительности. Шваб И.Ф. был председателем ЦИК АССР НП (1924-30 гг.), наркомом же просвещения в описываемый период был Зальцборн. (Прим. ред.)

Звучали приветствия от председателя Совнаркома РСФСР Сырцова, от Президиума ВЦИК, Наркомпроса — Бубнова, профессора Цейсса, от немецкого сектора Одесского педагогического института.

Не успели отзвучать победные фанфары, как новому, только что открывшемуся учебному заведению был нанесен тяжелейший кадровый урон: 30 января 1930 года органами НКВД была арестована группа преподавателей института, и в их числе Г. Г. Дингес, А. К. Сынопалов, П. И. Зиннер, жена Зиннера, П. Д. Рау и другие.²

Им было предъявлено обвинение в антисоветской контрреволюционной деятельности. Дингесу припомнили его научную командировку в Германию в 1924 г., связь с учеными Германии, приглашение на открытие института профессора Циземера, «аполитичное» выступление на открытии вуза. «Вина» ученых была и в том, что они считали институт высшей профессиональной школой, научно-исследовательским учреждением, призванным играть огромную роль в культурном строительстве, а не в вое-питании революционеров.

Ушел из жизни П. Д. Рау, в ссылке умер Г. Г. Дингес, выпущен из-за туберкулеза А. К. Сынопалов. Ни один из арестованных на работу в Немпединститут уже не возвратился.

И позднее кадровая политика нисколько не изменилась. Невозможно было без обращения в органы НКВД взять на работу преподавателя, направить его на учебу, необходимо было в анкетах указывать социальное положение, сообщать об арестах родственников, связях с ними, о связях с границей и т. д.²⁴

Руководитель был обязан следить за преподавателями, студентами, докладывать о каждом факте недовольства органами НКВД. Сохранилась масса материалов на эту тему. Так, студент I курса истфака В. И. Голованов на собрании отличников и ударников выразил недовольство своей жизнью, отметив, что живет на частной квартире, не имея ни простыни, ни наволочки, ни подушки, как безработный в Америке. Тут же последовал донос.

16 февраля 1930 г. директором Немпединститута была назначена Пауль Анна Георгиевна. 20 сентября она выехала в длительную творческую командировку в Германию, оставив своим заместителем Арно Раушенбаха. После возвращения из командировки в декабре 1931 г. она проработала всего полгода и была освобождена от работы (17 июля 1932 г.) постановлением ЦИК АССР НП. Фактически это было продолжением дела Дингеса— Сынопалова, кадровой политикой в стране. Поиск врагов продолжался.

² Здесь допущена неточность. Г. Дингес, будучи проректором Немпединститута, был арестован 31 января 1930 г. А. Сынопалов был уволен из Немпединститута в июле 1930 г. и после этого переехал в Москву. На момент его ареста, 17 декабря 1930 г., он работал преподавателем немецкого языка в Москве в институте аспирантуры сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина. П. Зиннер в описываемый период жил в Ленинграде (1927-30 гг.) и не являлся преподавателем НГПИ. Он лишь рассматривался в качестве кандидатуры доцентом Немпединститута. На момент его ареста, 14 августа 1930 г., он работал преподавателем Ленинградского института промышленности и труда. П. Рау вообще не подвергался аресту. После газетной травли и вызовов в НКВД он покончил жизнь самоубийством (в августе 1930 г.). (Прим. ред.)

Пострадала и научная библиотека. Из нее было изъято 414 изданий литературы «антисоветского и буржуазно-националистического» содержания, в том числе и работы Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Томского, Рыкова. В справке под грифом «секретно» «О засорении библиотеки антисоветской троцкистско-бухаринской буржуазно-националистической и идеологически вредной литературой...» подчеркивалось, что вся эта литература была изъята в 1933 г. после снятия с работы директора института. Документ был подписан уже новым директором Юдикисом.

Кадровая «чехарда» продолжалась и в последующие годы. В списке преподавателей, снятых с работы в пединституте с сентября 1934 по октябрь 1936 г. (под грифами: «совсекретно» и «не подлежит оглашению»), 18 преподавателей: Эдуард Эдуардович Гросс, доцент, снят с работы как сын помещика, который скрыл свое социальное происхождение при поступлении на учебу в Казанский университет и на работу в Немпединститут; преподаватель немецкого языка Тиде, как не владеющий марксистско-ленинской методологией, преподаватель экономической географии Квасний, как не обеспечивающий марксистско-ленинскую методологию преподавания. 8 человек по этому списку были взяты органами НКВД: братья Брайнины (из Австрии) — Борис Львович, и. о. доцента по немецкому языку, Вильгельм Львович, и. о. доцента математики, Зелих Рейнгольд Фридрихович, и. о. доцента математики, декан факультета Михаил Иванович Ритман-Фетисов, и. о. доцента литературы, зав. кафедрой Петр Яковлевич Рюб, и. о. доцента химии, Эммануил Карлович Швейцер, и. о. доцента немецкого языка... В списке люди разных национальностей: немцы, евреи, русские (Добролюбов, Бочкарев, А. Н. Богоявленский). Никого не щадила сталинская мясорубка... Список был подписан уже новым директором института Шитовым. Бытует мнение, что после нанесения институту кадрового удара он не мог оправиться, и из-за слабости педагогических кадров студенты не получили необходимых знаний. Это действительно так, но надо отметить, что институт постоянно растил молодые кадры, получал их от Саратовского университета, в нем продолжали работать такие специалисты, как доценты Ю.Г. Юнг, Д.Д. Петерс, А.Т. Подосинникова, Э.А. Эрлих, В.И. Кирьяшкин, и. о. доцента И.Я. Гармс и другие.

Несмотря на строжайший классовый отбор при приеме студентов в вуз, поиск «врагов» продолжался и среди студентов, причем и течение всего периода обучения. И если с «социальным» происхождением было все в порядке, то действовал донос. За этот же период, с 1934 по 1936 г., было отчислено из института 17 студентов: Г. Грациг, Г. Ратке, В. Уберг, Ф. Шторк, В. Альтаг, Г. Моор, В. Франк, В. Кизнер, В. Шнейдер, К. Леер, Ф. Нусс, К. Шмидт, К. Штумпф, В. Эйхгорн, Е. Шпади — дети батраков, бедняков, кустарей и рабочих, как было обозначено в списке, часть из ребят — комсомольцы. В немилость попали также член Коммунистической партии Германии П. А. Брунц и член комсомола Германии Д. Г. Грюнблат.

И все же институт с первых лет создания жил, работал, набирал силы. По списку на 15 сентября 1932 г. на историко-экономическом, лингвистическом, физико-техническом и химико-биологическом факультетах обучалось 149 студентов (на двух курсах историко-экономического — 38, на 1 курсе физико-технического — 20, химико-биологического — 22, на двух курсах лингвистического — 36, иностранных языков — 17, на втором курсе дошкольного — 16). С 1931 г. при вузе был открыт рабочий факультет для подготовки абитуриентов. На 15 сентября 1932 г. в двух группах обучалось 40 человек. Возглавил работу факультета заместитель Наркома просвещения Миллер, назначенный решением Бюро Немобкома одновременно заместителем директора института и директором рабфака. В 1935 г. на факультете обучалось уже 285 человек. В этот год был открыт при Немпединституте и двухгодичный учительский институт, первый выпуск которого состоялся в тяжелом 1937 г., когда прием в пединститут вообще не был осуществлен.

Только благодаря высшей школе в 1934 г. был организован специальный институт повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО). В решении Совнаркома АССР НП от 14 августа 1934 г. отмечалось, что институт создан в целях улучшения качества и упорядочения работы по повышению квалификаций работников просвещения при пединституте, этим же решением при нем и при педагогических техникумах были созданы заочные отделения и экстернат при педагогическом и учительском институтах. Создание экстерната дало возможность учителям, не имеющим высшего образования, получить его путем самостоятельного прохождения курсов соответственно за педагогический или учительский институты с последующей сдачей экзаменов. Подготовка учителей возлагалась на отделы народного образования через Институт повышения квалификации учителей. Таким образом, благодаря созданию в республике вуза, были задействованы все возможные формы обучения. В период зимних каникул преподаватели Немпединститута выезжали в Марксптадтский, Палласовский и др. кантоны, где читали лекции для учителей по русской, древней и средней истории (Бабинцев, Чернущенко и др.), другим предметам.

Правительство Немреспублике и Наркомпрос поддерживали вуз во многих его начинаниях. Еще 11 января 1930 г. Совнарком выделил две стипендии для студентов в размере 50 руб. в месяц. Одной из стипендий было присвоено имя покойного члена ЦИКа АССР Эдгара Яковлевича Гросса. Была предпринята попытка создания аспирантуры.

Данные приема в институт по годам говорят о том, что институт не достиг расчетной потребности в кадрах даже в 1934/35 учебном году, которая определялась в 120 специалистов (по 25 преподавателей родного языка и литературы, обществоведения, 40 — математики и физики, 30 — естествоведов).

Невыполнение программы объяснялось не столько нехваткой подготовленных абитуриентов и строгостью отбора с его классовым характером, сколько отсутствием необходимых площадей. Окончание строительства учебного корпуса задерживалось из-за отсутствия достаточного финансирования и плохой

работы Немжилгражданстроя. Правительство Немреспублики неоднократно обращалось в ЦИК СССР с просьбой рассмотреть данный вопрос. В 1935 г. ЦИК заслушал вопрос «О советском, хозяйственном и культурном строительстве АССР НП» и поручил Совнаркому РСФСР предусмотреть в плане на 1936 г. отпуск средств на достройку и ввод в эксплуатацию зданий пединститута.

В декабре 1936 г. секретарь Немобкома партии и председатель Совнаркома, изучив докладную записку директора института В. М. Шитова, обратились в Наркомпрос к Бубнову. В письме отмечалось, что в педагогическом и учительском институтах обучаются 526 человек, не считая 290 рабфаковцев и ПО курсантов подготовительных курсов, что собственного здания институт не имеет (оно сгорело в 1934 г.), 920 человек занимаются в две смены во временном здании военного ведомства, что негде разместить кабинеты и лаборатории, строительство учебного корпуса идет крайне медленно. Далее говорилось, что институт имеет исключительное политическое значение, поскольку республика слабо обеспечена национальными квалифицированными кадрами, но из-за отсутствия учебных помещений, недостатка преподавателей, отсутствия квартир для них, общежития для студентов (последние живут в бараках, подвальном помещении, на частных квартирах) не обеспечивает подготовку высококвалифицированных кадров преподавателей. Руководители Немреспублики заверяли, что меры к окончанию строительства учебного корпуса будут приняты и испрашивали на 1937 г. средства для строительства общежития, дома для преподавателей, на оборудование кабинетов и лабораторий, благоустройство территории и другие цели.

Несмотря на все трудности, в работе вуза наметились положительные сдвиги. В 1936 г. учителя с высшим образованием в школах составили уже 10,8% (99 человек), со средним педагогическим с учетом трех педучилищ — 40,9% (445 человек). На 25 ноября 1936 г. 466 учителей сдали экзамены экстерном только при ИПККНО, 314 — на заочном отделении Немпединститута (здесь не учтено количество учителей, обучающихся заочно в вузах Саратова, Москвы и Ленинграда).

В 1935 г. в Немпединституте обучалось 486 студентов, включая вечернее отделение и учительский институт. В том же году выпуск составил 148 педагогов с высшим образованием и 645 — со средним (с учетом выпускников педучилищ).

На конец 1939 г. учительский институт, согласно плану распределения, должен был выпустить 143 специалиста: 50 учителей русского языка и литературы, 48 — физики и математики, 45 — географии. По статистическому отчету за 1939/40 учебный год в вузе на начало года было 613 студентов, по курсам соответственно — 283, 244 и 86; 74 выпускника из 79 защитили дипломы, 8 из них с оценкой «отлично». На конец учебного года было 540 студентов. По итогам экзаменов за 2-й семестр 392 студента были переведены на следующий курс, 114 оставлены на второй год, 14 отчислены за неуспеваемость, 42 — находились на длительной педпрактике. В связи с огромным дефицитом учителей в селах кантонов республики длительная педпрактика проходила ежегодно.

В учительском институте на тот же период было 486 студентов, окончили 77 человек, из них 4 — с отличием, 311 студентов остались на 1 июля 1940 г., кроме того, 67 — на длительной педпрактике, 83 студента обучались на вечернем отделении (данные из архива).

Работу вуза координировали Саратовские педагогический институт и университет. Председателем экзаменационной комиссии на филологическом факультете был доктор филологических наук, профессор пединститута А. П. Скафтымов, преподаватели этих вузов читали лекций в Немпединституте.

К 1941 г. в педагогическом и учительском вузах на дневном, вечернем и заочном отделениях имелись факультеты литературы и языка, исторический, биологический, физико-математический, иностранных языков, действовало 15 кафедр: всеобщей истории, истории народов СССР, педагогики, поенной подготовки, немецкого, французского и английского языков, химии, физики, ботаники, геологии, биологии, физкультуры. Одной из главных была кафедра марксизма - ленинизма, организованная на базе кафедры социально - экономических наук по постановлению ЦК ВКП(б); «Основы марксизма - ленинизма» читались на всех курсах и факультетах.

При институте продолжал работу рабфак и курсы иностранных языков. Административно-управленческий персонал составлял 79,5 единицы. 10 работников библиотеки работали с книжным фондом в 114 тыс. томов.

Организаторская работа вузов республики была прервана в 1941 году. 6 июля 1941 г. Совнарком АССР НП принял постановление «О дополнительном развертывании эвакуогоспиталей» и предложил директору Немпединститута Князевой освободить основной учебный корпус и разместить институт в общежитиях и в здании городской школы № 24 (ныне средняя школа № 1, старое здание). В июне 1941 г. органы власти еще хотели вуз сохранить, дебатировался вопрос о переводе его в Маркштадт (Маркс).

Была создана комиссия во главе с директором вуза, которая выехала в Маркштадт и сделала заключение, что перевод вуза невозможен из-за отсутствия площадей для нормальной организации учебного процесса, квартир для преподавателей и базы для проведения педагогической практики, так как в городе работала всего одна русская школа, а большинство студентов Немпединститута учились к этому времени на русских отделениях в связи с политикой правительства страны на свертывание работы национальных школ и их русификацию; Важно было и то, что около 200 студентов проживали в Энгельсе в семьях и с началом войны не могли выехать на учебу в город, куда не было даже железной дороги. Было подготовлено письмо-обоснование на имя заместителя народного комиссара просвещения АССР НП по кадрам о невозможности и нецелесообразности перевода института в Маркштадт.

Директор института в целях сохранения контингента студентов обратился 2 августа 1941 г. к руководителям Саратовских госуниверситета и педагогического

института с просьбой не принимать без направления Немецкого педагогического института ни одного студента³⁹. Но судьба вуза уже была фактически предрешена.

После Указа Президиума Верховного Совета, СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. последовал приказ Наркомпроса от 19 сентября, которым Немецкий педагогический и учительский институты были закрыты, а все дела и имущество предписывалось передать Саратовскому педагогическому институту.

Пострадала и уникальная научная библиотека. 8 июня 1943 г. исполком Энгельсского городского Совета депутатов трудящихся на своем заседании отметил, что ценная научная литература в беспорядке свалена в сарае стадиона и в бараке Военстроя, где подвергается порче и хищению, а Саратовский пединститут, которому она официально была передана, на протяжении длительного времени никаких мер к охране и приведению в порядок литературы не принимает. В целях сохранения научной литературы было принято решение передать ее Центральной городской библиотеке, для чего был выделен специальный транспорт и установлен жесткий двухнедельный срок для исполнения данного решения...

Итак, проблемы народного образования и языковые проблемы немцев в России решить одному вузу за 11 лет существования было невозможно, хотя роль института в подготовке национальных педагогических кадров, в изучении немецкого языка как родного была огромна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Энгельсский филиал Государственного архива Саратовской области (в дальнейшем - ЭФ ГАСО), р-847, оп. 1, д. 262, л. 4.
- [2] Там же, р-761, оп. 1, д. 16, л. 2.
- [3] Там же, р-847, оп. 1, д. 262, л. 13.
- [4] Там же, р-847, оп. 1, д. 290, л. 1, д. 348, л. 24. 35.
- [5] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 38.
- [6] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 31.
- [7] Там же, р-847, оп. 1, д. 262, л. 11-14.
- [8] Там же, р-847, оп. 1, д. 449, л. 20.
- [9] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 32.
- [10] Там же, р-997, оп. 1, д. 82, л. 110.
- [11] Там же, р-849, оп. 1, д. 32, л. 22, 29.
- [12] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 16.
- [13] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 12, 13.
- [14] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 8.
- [15] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 53.
- [16] ЭФ ГАСО, р-847, оп. 1, д. 347, л. 93.
- [17] Там же, р-1224, оп. 1, д. 1, л. 6.
- [18] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 102-103.
- [19] Там же, л. 4-5.
- [20] Там же, л. 7.
- [21] Там же, л. 51, 56.
- [22] Там же.
- [23] Там же, р-849, д. 713, л. 145.
- [24] Там же, р-1224, оп. 1, д. 18, л. 7.

- [25] Там же, л. 6.
- [26] Там же, л. 3, 4.
- [27] Там же, л. 2.
- [28] Там же, оп. 1, л/с, д. 9, л. 47.
- [29] Там же, д. 4, л. 1-3.
- [30] Там же, р-966, оп. 1, д. 9, л. 1, 2.
- [31] Там же, р-1224, оп. 1, д. 1, л. 1.
- [32] Там же, р-847, оп. 1, д. 348, л. 1.
- [33] Там же, р-849, оп. 1, д. 1202, л. 404.
- [34] Там же, р-966, оп. 1, д. 5, л. 3.
- [35] Там же, р-847, оп. 1, д. 697, л. 17-22.
- [36] Там же, р-1224, оп. 1, л/с, д. 45, л. 76-77.
- [37] Там же, оп. 1, д. 34, л. 5, 32, 33.
- [38] Там же, д. 39, л. 43.
- [39] Там же, л. 37.
- [40] Архив Саратовского пединститута. Приказы за 1941 год.
- [41] ЭФ ГАСО, р-863, оп. 1, д. 127, л. 9.

Ерина Е.М. Очерки истории культуры Немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995, с. 21-40.